ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**СТАНОВЛЕНИЕ,
РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию
со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина
10–12 ноября 2020 г.
Санкт-Петербург

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

STATE HERMITAGE

PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
(THE KUNSTKAMERA) OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ANCIENT AND MEDIEVAL CULTURES OF CENTRAL ASIA
(THE FORMATION, DEVELOPMENT AND INTERACTION
OF URBANIZED AND CATTLE-BREEDING SOCIETIES)**

*Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th birth anniversary
of Doktor Nauk in Historical Sciences Anatolii M. Mandelstam and the 90th birth anniversary
of Doktor Nauk in Historical Sciences Igor' N. Khlopin*

10–12 November 2020, St. Petersburg

St. Petersburg
2020

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ (СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ)**

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама
и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина*

10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2020

Организация конференции и издание сборника ее материалов осуществлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–22011

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия: В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов (отв. редакторы),
В. А. Алёкшин, М. Е. Килуновская, О. В. Сычева

Рецензенты: д. и. н. Е. М. Колпаков, д. и. н. И. Л. Тихонов

Программный комитет конференции: акад. РАН, д. и. н. М. Б. Пиотровский (Гос. Эрмитаж, сопредседатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, сопредседатель); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, зам. сопредседателей); акад. РАН, д. и. н. В. И. Молодин (Институт археологии и этнографии СО РАН); акад. АН Республики Узбекистан, д. и. н. Э. В. Ртвеладзе (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан); чл.-корр. РАН, д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. Н. В. Полосьмак (Институт археологии и этнографии СО РАН); д. и. н. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); д. и. н. А. В. Седов (Музей народов Востока); д. и. н. К. С. Ташбаева (Институт истории, археологии и этнологии НАН Кыргызской Республики); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж)

Организационный комитет конференции: к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН, зам. председателя); О. В. Сычева (ИИМК РАН, отв. секретарь); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН); к. и. н. Вл. А. Семенов (ИИМК РАН); к. и. н. Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН); Е. О. Стоянов (ИИМК РАН); к. ф. н. П. Б. Лурье (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. В. Омельченко (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж); К. В. Чугунов (Гос. Эрмитаж)

Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). — СПб.: ИИМК РАН, 2020. — 308 с., ил.

ISBN 978-5-907298-09-5

DOI 10.31600/978-5-907298-09-5

ЗА КРАЕМ ОЙКУМЕНЫ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

*А. Г. Акулов¹, **П. В. Ишутина²

**Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия*

***Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”», Красноярск, Россия*

BEYOND THE EDGE OF THE OECUMENE: NEW PERSPECTIVES FOR RESEARCHING BARROWS OF THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

*Aleksei G. Akulov, **Polina V. Ishutina

**Independent researcher, St. Petersburg, Russia*

***Private Limited Company «Scientific Production Association “Archaeological Designing and Investigation”», Krasnoyarsk, Russia*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-141-145

Ключевые слова: Красноярская лесостепь, тагарская культура, тесинский этап, ранний железный век, курганный могильник, каменные конструкции.

Keywords: Krasnoyarsk forest steppe, Tagar culture, Tesin stage, Early Iron Age, mound burial, stone constructions.

Периферическими областями Ойкумены всегда были земли варварских народов, связанные с центральными цивилизациями не только торговыми интересами, но и более прочным эмоциональным притяжением. В результате пределы Ойкумены как системной целостности практически совпадали с внешними границами Барбарикума. За границами был мир Хаоса — псоглавцы, исхиаподы и пигмеи, сражающиеся с журавлями.

Однако случались в истории сюжеты, когда люди Ойкумены оказывались за ее пределами по собственной воле или же в связи с неумолимым ходом событий. Гренландские викинги — яркий и точный исторический пример; феномены, известные исключительно по археологическим источникам, типа Усть-Полуя, допускают разные интерпретации. В любом случае связи пришельцев с далекой родиной слабеют с каждым поколением, горизонт их интересов сужается, а контакты с непосредственным окружением, напротив, становятся все важнее и важнее. В итоге пришельцы растворяются среди местных племен, передавая им часть своих умений и навыков. История строителей курганов Красноярской лесостепи, несмотря на их относительную близость к основному ареалу тагарских племен, была в чем-то схожей.

Отметим: лесостепи именно Красноярской, а не Красноярско-Канской. Последний термин вряд ли приемлем в археологии железного века, поскольку у этих двух островков

¹ ORCID: 0000-0001-8649-2381; e-mail: elteber@yandex.ru.

² ORCID: 0000-0002-5067-6768; e-mail: IshutinaPV@yandex.ru.

лесостепи, отделенных тайгой не только от степей Минусинской котловины и Чулыма, но и друг от друга, была совершенно разная историческая судьба. В Канской лесостепи курганов раннего железного века нет, есть следы торговых или, возможно, даннических связей с тагарской культурой, не сопровождавшихся колонизацией. Не то в Красноярье, где возникает полноценный тагарский анклав, существующий, как минимум, несколько веков.

Курганы Красноярья не столь эффектны, сколь минусинские, поэтому начало их раскопок восходит не к «отцам-основателям» сибирской науки XVIII в. — Мессершмидту, Миллеру, Палласу — но к «интеллигентному бугровщику» (Вадецкая, 1973: 102), енисейскому губернатору 1820-х гг. А. П. Степанову, внушительные коллекции древностей которого, к сожалению, «были потеряны из виду». Однако в дальнейшем археологические исследования здесь не сильно отстают от раскопок в «сибирской археологической Мекке» — минусинских степях. В 1859 г. Императорская Археологическая комиссия выдает первый открытый лист на раскопки И. В. Александрову, штудии которого продолжают более 10 лет. А в самом конце XIX в. начинаются подлинно научные исследования курганов Красноярья. В 1890-е гг. значительные разведки и раскопки нескольких курганов проводит П. С. Проскуряков (1897), небольшие работы предпринимают де Бай, Урусов и Анучин, чуть позже два кургана у Частоостровского раскапывает А. В. Адрианов (ОАК 1904: 117). Коллекции предметов из этих раскопок сохранились лишь частично (Эрмитаж, ГИМ, Красноярский краевой краеведческий музей). Никто из этих исследователей не занимался серьезным осмыслением и обобщением полученных результатов, что, конечно, было связано с тем, что научная археология в регионе делала еще только первые шаги.

Похоже, что первым такую попытку предпринял последний из работавших в Сибири великих немцев на русской службе — Геро фон Мерхарт, обособивший в своих построениях культурные феномены Красноярья от родственных минусинских и связавший миграцию сюда строителей курганов с приходом в Минусинскую котловину новых племен, удивительно точно датировав ее II–I вв. до н. э. (Merhart 1926: 171–182). При этом регион интересовал его не столько сам по себе, сколько в качестве точки опоры для развертывания масштабных построений в духе теории культурных кругов.

С. А. Теплоухов феномену красноярских курганов внимания почти не уделил, зато именно памятниками Красноярской лесостепи занялся В. Г. Карцов, прибывший в Красноярск в 1928 г. *Veni, vidi, vici*: в 1929 г. под скромным названием «Материалы к археологии Красноярского района» им уже был выпущен обобщающий труд по местным памятникам, остающийся по сию пору единственным в своем роде. Попытка оказалась довольно удачной, хотя, конечно, выделение «красноярской культуры», проходящей насквозь через все эпохи металла, невозможно объяснить ничем, кроме амбиций автора в сочетании с набирающей силу идеологической установкой на автохтонизм. Карцов присоединился к мнению фон Мерхарта о времени появления и культурной принадлежности курганов Красноярья и выдвинул идею о преимущественной роли аборигенов в их создании из-за малочисленности тагарских пришельцев (Карцов 1929: 40–43).

Кроме В. Г. Карцова, курганы Красноярья до войны исследовал лишь Г. П. Сосновский; затем, в 1947 г., сборы на разрушающихся курганах провел Э. Р. Рыгдылон. Относительно оживляются исследования в 1950-е гг.: несколько памятников раскапывает Р. В. Николаев, публикуя часть материала и обращая внимание на ряд находок, имеющих аналогии в более позднюю, таштыкскую эпоху. В это же время разведки проводит Г. А. Максименков; к сожалению, из-за трудностей с финансами ему пришлось отказаться от планов раскопок. Некоторое внимание красноярскому варианту тагарской культуры уделяет С. В. Киселев, резко выступая против концепции возникновения красноярского анклава тагарцев в результате бегства от хуннского нашествия и считая его результатом естественного расширения ареала культуры (Киселев 1951: 286–288).

В последующие десятилетия раскопок курганов в Красноярской степи не проводилось. Исследователи — Н. В. Нащокин, Л. В. Новых, В. П. Леонтьев, М. С. Баташев, С. М. Фокин,

Д. Н. Лысенко, В. Е. Матвеев, В. А. Данилейко, В. Д. Виноградов, а также (под эгидой ООО НПО АПИ) авторы этих строк — ограничивались разведками и инвентаризацией объектов. В это же время появились три весьма существенные работы, касающиеся курганных памятников Красноярья.

Для А. И. Мартынова (1979) красноярского варианта лесостепных памятников не существует в принципе. Даже на картах, сопровождающих книгу, ареал распространения памятников между Средним Чулымом и Красноярьем един, граница этого ареала проходит чуть восточнее Енисея. Соответственно, ничем красноярские курганы не выделяются, автор упоминает их вместе с памятниками западных лесостепных районов, обосновывая существование назаровского этапа культуры и связывая его начало с миграциями с Алтая в предхуннское время.

Напротив, Р. В. Николаев в своей статье, вышедшей в Кемерово (Николаев 1980: 239–247), подчеркивает своеобразие курганов Красноярья и, что ценно, впервые пытается выделить местные особенности их архитектурного оформления. Не встречается, по его мнению, в иных регионах распространения тагарской культуры и ряд приемов декора керамических сосудов. Усматривает он региональные особенности стиля и у местных оленных блях.

В целом подводит итог дискуссии в своей книге Д. Г. Савинов (2012: 38–44). По его мнению, своеобразный красноярский вариант тагарской культуры бесспорно существует и отличен от кемеровского лесостепного. Очень жаль, что данный тезис в работе не был проиллюстрирован на конкретных археологических материалах.

Наконец, недавно вышла интересная статья Д. А. Виноградова (Виноградов 2019: 61–72). К сожалению, автор ограничился изложением истории изучения курганов Красноярья, никак не обозначив собственного мнения об этих памятниках и их культурной специфике.

Подводя итог, надо сказать, что, пожалуй, никто из авторов, за исключением Р. В. Николаева и в какой-то мере В. Г. Карцова, специфику красноярских курганных памятников подробно не рассматривал. По умолчанию предполагался некий гомогенный массив «красноярских курганов»: различия между ними носили не закономерный, но стохастический характер. В результате не было возможности ни выделить различные типы памятников, ни проследить динамику их развития.

Однако наши, пусть самые предварительные, изыскания в этой области показывают, что дело обстоит, мягко говоря, не совсем так. Начнем с того, что интенсивность курганного строительства на различных участках лесостепи была весьма неоднородна. Явно выделялся центр расселения племен, закономерно находившийся на территории нынешнего Красноярска. Судя по описанию Проскурякова, насыщенность курганными памятниками в этом районе была вполне сопоставима с наблюдаемой южнее, в основном ареале тагарской культуры; вид насыпей отличался в зависимости от их местонахождения на верхних или нижних террасах, курганы на высотах часто имели внушительные камни по углам и достигали, по свидетельству Карцова, высоты до 5 м — классическая минусинская ситуация! Все это было уничтожено строительством, практически без исследований. Кое-что осталось в «предместьях» этого центра, также довольно насыщенных курганами — вниз по Енисею и вверх по Каче, в том числе группа из двух курганов у Дрокина, выделяющихся своими размерами.

Очевидно, ландшафт этого района был наиболее благоприятным для хозяйственной деятельности пришельцев из Минусинской котловины. Но не только: именно здесь они оказывались в абсолютно привычном для них окружении, почти не отличающемся от соответствующих ландшафтов севера котловины: широкие остепненные участки, рощицы на вершинах сопков, пойменные леса.

От этого центра шлейф памятников протянулся вниз по Енисею до Куваршино, а на некотором расстоянии от реки к западу — еще дальше, в северные лесостепные долины Минжуля и Бузимов вплоть до верховий Подъемной. Открытых пастбищ здесь было

меньше, а на таежные ресурсы наверняка претендовало и аборигенное население. Очевидно, что плотность курганных могильников здесь была невелика, к тому же хозяйственное освоение и в этих местах уничтожило большую часть курганов.

Однако именно здесь нами исследован целый микрорайон памятников, включающий 8 курганов в трех могильниках у села Татарское по реке Минжуль, — очевидно, последний относительно сохранившийся в Красноярской лесостепи. Именно эти памятники позволили констатировать, что даже сейчас можно ясно выделить два размерных класса курганов: меньший, довольно стандартный и наиболее распространенный (около 20 м по размерам сторон, высотой 1–1,5 м), и больший, встреченный нами только в двух курганных могильниках у Татарского на Минжуле и Дрокина на Каче. Размеры больших курганов — 30 м и более по стороне кургана, высота — 2–3 м. Все четыре больших кургана имеют каменные конструкции, у трех они вполне определимы. Встречаются как угловые стелы, так и горизонтальные кладки по периметру, очевидно, прямоугольные. В обоих случаях на расстоянии в два-три километра от могильников с большими курганами находятся могильники с курганами стандартного размера, что позволяет предположить, что в случае больших курганов Татарского и Дрокина мы имеем дело с мемориалами знатных родов. Это косвенно подтверждается тем, что крупные тесинские курганы в Минусинской котловине часто строятся именно парами.

Следовательно, сообщение Карцова о 5-метровом кургане у Торгашина, вероятно, соответствует истине. Этот курган по своим размерам относился к мемориалам правящих кланов котловины и был подобен курганам Троицкого, Черного Июса, Уйбатского поля и т. д. Второе допущение — эти мемориалы относятся к ранним этапам пребывания тагарского населения в Красноярье, так как их каменные конструкции еще мощные. Впрочем, ни один курган этого размерного ранга здесь раскопан не был, и это объясняет невнятность каменных конструкций курганов меньшего статуса, делавшихся без тщания.

Еще один интереснейший результат принесло обследование курганного поля у села Куваршино в долине Енисея. В северном направлении от одного из курганов на распаханном поле обнаружили небольшие понижения, напоминающие западины на тесинских грунтовых могильниках Минусинской котловины. Такие могильники характерны прежде всего для юга котловины, на севере их единицы. Тем не менее, раскопки Адрианова и Карцова показали, что подобный могильник, возможно, существовал вблизи села Частоостровское, в 7 км отсюда. Если наличие такого могильника подтвердится, это будет свидетельствовать об инкорпорации пришлого населения с Алтая и Тувы (саглынская и пазырыкская культуры) в среду тагарских племен вплоть до северных пределов их расселения, а заодно поставит вопрос: не являются ли округлые кладки вокруг некоторых могил курганов Красноярья следствием развития традиции подобных грунтовых могил, а вовсе не деградации тагарских курганных оград?

Наконец, совершенно очевидно отличие хронологического положения разных комплексов вещей из могил под курганами. В материалах раскопок встречаются изделия, характерные для сарагашенского этапа. Они могут быть пережиточными, но, так или иначе, сдвигают археологическую датировку памятника в сторону удревнения. О том же может говорить и наличие развитых каменных конструкций. С другой стороны, выявленные в других памятниках обряды — трепанация черепов, очистка скелетов от мышечной ткани, сосуды таштыкского типа, интенсивное использование огня в погребальных церемониях — заставляют предполагать их более молодой возраст.

На повестке дня стоит полноценное исследование культурного феномена, от которого до нас дошли курганы Красноярской лесостепи: его возникновения, существования и финала; племен, участвовавших в его формировании, их этнической принадлежности и социальной структуры; связей между ним и родственными культурными образованиями Минусинской котловины и Чулымской лесостепи. Огромный интерес для истории сибирского субконтинента представляет изучение взаимовлияний пришельцев и окружающих таежных культур, инкорпорации носителей этих культур в среду строителей курганов, заимствова-

ния ими инноваций в технологии и социальном устройстве и распространение этих новшеств в огромных пространствах сибирской тайги.

Начать же процесс предполагается с уточнения хронологии феномена курганов Красноярья с использованием как традиционных археологических, так и естественнонаучных методов, а также с углубленного анализа особенностей курганной архитектуры. Для этого, в частности, необходимо предпринять доисследования раскопанных некогда курганов и спасательные раскопки на разрушающихся и практически уже разрушенных памятниках. Что, надеемся, станет в недалеком будущем очередным этапом исследований авторов.

Литература

- Вадецкая 1973 — Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинской котловины // ИЛАИ. 1973. Вып. 6. С. 91–159.
- Виноградов 2019 — Виноградов Д. А. История изучения курганных могильников Красноярской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019. Т. 26/2. С. 61–72.
- Карцов 1929 — Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929.
- Киселев 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- ОАК 1904 — Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 год. СПб., 1904.
- Николаев 1980 — Николаев Р. В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство: Материалы всесоюз. конф. Кемерово, 1980. С. 239–247.
- Проскуряков 1897 — Проскуряков П. С. Отчет П. С. Проскурякова о курганных раскопках его в Красноярском округе Енисейской губ. // Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897. С. 152–157.
- Савинов 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной Степи. СПб., 2012.
- Merhart 1926 — Merhart G. Bronzezeit am Yenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien, 1926.

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ НА ГРАНИЦАХ ХОРЕЗМА: МАССАГЕТЫ

А. С. Балахванцев¹

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

EARLY NOMADS ON THE BORDERS OF CHORASMIA: THE MASSAGETAE

Archil S. Balakhvantsev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-145-147

Ключевые слова: массагеты, ранние кочевники, курганные погребения, Хорезм, Устюрт.

Keywords: Massagetae, early nomads, burial mounds, Chorasmia, Ustyurt.

Анализ сохранившихся у греческих и латинских авторов сведений о массагетах VI–IV вв. до н. э. показывает, что наиболее обоснованным является представление об их локализации к северу от Узбоя, между Каспийским морем и Южным Приаральем (Балахванцев 2019: 260). Вместе с тем, историки Александра Македонского свидетельствуют о подчинении

¹ ORCID: 0000-0002-3028-0109; e-mail: balakhvantsev@gmail.com.